

О. П. Зубец²

«ПОСЛЕ» ЦИВИЛИЗАЦИИ

История человечества знала состояния, вдохновенные устремленностью в будущее, в первую очередь они задавались революционным отвержением прошлого и преобразовательной направленностью в грядущее. Таковыми были, например, настроения и буржуазного, и коммунистического преобразования мира. Были и состояния общества, опиравшиеся на укорененность в прошлом, на традицию, родовую память. Но есть еще одно состояние, которое можно было бы назвать бытием «после»: в нем и прошлое, и будущее утрачивают свою ценностную значимость, позитивную бесконечность. Человеческое существование предельно сужается во времени, мыслится как застывшее в неспособности вырваться из вязкости произошедшей с ним катастрофы: это произошедшее уже не является ни прошлым, на которое можно опереться, ни прошлым, от которого можно отречься. Оно, собственно, и не может быть прошлым, так как затрагивает основы самого человеческого бытия. Именно таковым, по видимому, является и так осознается состояние общества «после Аушвица». Целый ряд авторитетных мыслителей (Т. Адорно, К. Ясперс, Х. Арндт, З. Бауман, Ж. Ф. Лиотар, Х. Йонас и др.) сформулировал болезненную проблему своего времени как проблему *бытия «после»*: можно ли жить «после Освенцима» и можно ли умереть в мире «после» того, когда сама смерть

утратила свой человеческий облик и смысл? Можно ли утвердить позитивность наличного бытия?

Возможна ли культура «после» или любая культура вместе с ее уничижительной критикой лишь мусор? Можно ли говорить, что есть речь «после Аушвица», если она предоставила себя в качестве средства сокрытия, а не раскрытия? Возможен ли Бог «после Аушвица»? Возможно ли знание о человеке и обществе в мире «после»? Что есть благо «после Аушвица»? Выражение «после Аушвица» вошло в названия множества трудов, например Т. Адорно, З. Баумана, Х. Йонаса, Дж. М. Бернштейна, Р. Файна, Ч. Тернера. Это всеохватывающее вопрошание является не столько критическим, сколько растерянным: вопросы не задают перспективу мудрых жизнеутверждающих ответов. Ж. Ф. Лиотар сравнил произошедшую катастрофу с землетрясением, которое разрушило не только жизни, здания и разнообразные объекты, но и инструменты, используемые для измерения самого землетрясения, позволяющие понять и оценить его силу. Похожий образ создает А. Адлер, говоря о произошедшем как о снежной буре, когда товарищи замерзли, пути и дорожные отметки заметены. (После холокоста невозможны «макронарративы» (Лиотар), универсалии, сужается поле зрения, побеждает микронарративная этика.)

«После» означает невозможность уповать на благу природу человека, на гордо звучащее человеческое «я», на познание, науку и технику, которые расширяют до бесконечности возможности уничтожения человека человеком. Невозможно вести речь об образовании: знание и культ рациональности оказались среди соучастников радикального зла, так же как и искусство и традиционно понимаемая мораль.

Разрушение традиционных опор и ориентиров оказалось рядом с фундаментальным расширением сферы

² Старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Величавый Аристотеля: “странный” текст и великая идея», «Что презирает и что превосходит добродетельный человек», «Боги не лгут», «Мораль: разнообразие понятий и смыслов», «Предпочтение жизни самого себя», «Об одном месте из “Никомаховой этики”», «От дискуссии о лжи к молчанию о холокосте», «Ложь как самоустранение», «Аристократизм как основание поступания», «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время» и др.

ответственности и вины, когда уже сам факт присутствия в мире и сохранения собственной жизни, когда другого убили, становится неустранимой метафизической виной человека (Ясперс) и когда невозможно быть моральным существом вне собственной ответственности за совершаемое всем человечеством и каждым человеком. Если принять, что осознаваемая мыслителями ответственность человека за все, провозглашаемый ими приоритет морального субъекта есть основание существования человечества «после», то приходится переосмыслить и то, чему оказывается противопоставленным это принятие, в первую очередь — понятие цивилизации.

По выражению Х. Арндт, «какая-то базисная структура всех цивилизаций пребывает на грани слома»¹. Но многие мыслители «после» формулируют устрашающе противоположную идею — не слома, а расцвета: не в результате отклонения, а в ходе своего «естественного» развития цивилизация привела человечество к газовым печам. Этот приход не определяется как кризисный, как результат некоего отклонения, разлома, разложения, но как раз наоборот, как реализация тех возможностей и тенденций, которые несет в себе цивилизация: развития государственно-бюрократической системы, науки и техники, культа знания и протестантских идеалов труда и цеховой профессиональной преданности. Быть хорошим профессионалом, хорошо исполнять свое не общечеловеческое и не индивидуально-единственное, но профессиональное, корпоративное дело оказалось идеальной основой для практического осуществления любой социальной идеи, в том числе и нацистской. Аушвиц — не отклонение от цивилизационного процесса и не его кризис, но его достижение, породившее состояние «после», которое не может быть преодолением кризиса, устремлением в будущее с новыми идеалами и знаменами и тем более поиском новых «правильных» средств осуществления прежних идеалов.

Состояние «после» есть столкновение с самим собой, обнаружение катастрофичности собственного способа социального существования, утрата доверия к собственному разуму и совести, к праву и морали, идеалам познания и творчества. Это состояние подобно состоянию человека, обнаружившего, что он совершил очевидное, безусловное зло не в результате ошибки, не в ползу забытья, не случайно, но в силу реализации всего того, чем он всегда гордился. Возможно — своей сущности. Вряд ли он обратил бы свой взгляд в светлое новое будущее. Скорее всего, он бы с ужасом совершал каждый шаг, захваченный сосредоточенным желанием не повторить свершившегося; и, не имея более возможности опереться на нечто в себе, искал бы нечто, себе преданное и непосредственно исключяющее повторение катастрофы.

Будущее не дано и не может быть позитивно задано тем, кто совершил радикальное зло. Оно возможно лишь через отказ от себя, решающего вопрос об убийстве, насилии, то есть ставящего ответ в зависимость от собственного рассудка, благоразумия, знания. Такой отказ есть принципиально иной способ прорыва

¹ Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996. С. 29.

в будущее — через вневременность или вечность морального поступка, который никогда не может стать прошлым, бывшим и в своей самооценности не связан с будущим как следствием. То есть состояние человека «после» есть негативное задание будущего: через отрицание всего, что породило Аушвиц, соучаствовало в нем, — то есть себя как не морального, а социального существа.

Отказываясь понимать Аушвиц как кризис цивилизации, З. Бауман говорит о кризисе *понятия* цивилизации, о необходимости пересмотреть основания науки об обществе и человеке. Традиционно понятие цивилизационного процесса включало возрастающую способность общества контролировать непредсказуемость индивидуального поступка и минимизировать насилие в обществе. Цивилизационный процесс осуществлялся как разрастание государственно-бюрократического аппарата, усиление контроля над индивидом, рационализация выбора средств, нацеленность на социальное улучшающее преобразование — и именно все это стало важнейшим условием Аушвица. Традиционное понимание цивилизационного процесса как ухода от варварства определяет и традиционное отношение к все более разрушительным и страшным событиям человеческой истории, общественной жизни как к следствиям того, что этот цивилизационный процесс идет недостаточно быстро, что он еще не достиг своих целей, не завершён, что движение надо ускорить и расширить, что варварство просто еще не окончательно побеждено. Мышление «после» связано с признанием ошибочности такой идеи цивилизации, с осознанием того, что массовые убийства, стоящие за гранью того, что связано с ценностными представлениями о варварстве и его историко-фактическим содержанием, и великие достижения науки, техники, образования, искусства являются результатом и сутью одного и того же процесса, который мы и называем цивилизационным.

Все, что мы знаем о нашей цивилизации, ее духе, приоритетах, видении мира, нацеленности на достижение счастья и благополучия в рамках совершенного общества и посредством его совершенствования, согласуется с событием Аушвица. Предельно бесстрашно эту мысль выразил Р. Л. Рубинштейн, говоря о холокосте: «Он свидетельствует о прогрессе цивилизации». «Цивилизация означает рабство, войны, эксплуатацию и лагеря смерти. Она также означает медицинскую гигиену, возвышенные религиозные идеи, прекрасное искусство и утонченную музыку. Ошибочно считать, что цивилизация и варварская жестокость — антитезы... В наше время жестокости, подобно другим явлениям нашего мира, организованы намного более эффективно, чем когда-либо»². Согласно Бауману, холокост раскрыл «скрытые возможности современного общества», и страшный смысл этого признания не более страшен, чем отказ от него. Эти возможности реализуют стремление к совершенствованию общества все более рационализированными и масштабными, укорененными в социальной организации средствами, к все-

² Bauman Z. Sociology after the Holocaust // The British Journal of Sociology. 1988. Vol. 39, № 4. P. 477. Эта статья является ранней версией введения к изданной на русском языке книге «Актуальность холокоста».

общему господству над природой, к эффективному достижению целей.

З. Бауман включает в моральные последствия цивилизационного процесса лишение применения насилия морального измерения, освобождение стремления к рациональности от вмешательства моральных норм или запретов. Исключение иных критериев и оснований поступка в пользу его рациональности (инструментальной рациональности) и, в частности, тенденция подчинить использование насилия рациональному расчету — давно признанная конституирующая черта современной цивилизации¹.

Научно-инженерное, социально-ролевое действия вытеснили поступок как содержащий свою цель в самом себе: моральный субъект (в его единственности и ответственности за все) оказался заменен срединным человеком (*middle-man*), человеком-посредником, который не принимает решения о поступке и не знает его результатов, но видит моральный смысл лишь в рационально-эффективном опосредовании некоторого социального действия. Можно сказать, что моральность вытесняется и подменяется социальностью, превращается в средство осуществления последней, чему вполне соответствует понимание морали как способа социальной регуляции. Она в таком случае оказывается в одном ряду с правом, обычаем и другими формами регуляции, включенными в содержание цивилизационного процесса, свидетельством достижений которого и является Аушвиц.

Бауман неоднократно в своих работах описывает исследование Нехамы Тек, которой не удалось выявить никакой корреляции между социальными харак-

теристиками человека и его способностью противостоять злу. Ни образование, ни религиозные взгляды, ни профессия, ни пол, ни возраст не коррелировали с противостоянием катастрофе. Это, в частности, привело Баумана к выводу о необходимости теоретического разведения (и даже противопоставления) социальности и моральности. Но возможно ли переосмыслить понятие цивилизации в результате такого разведения, то есть вменяя ему моральное содержание в качестве основы? Может ли понятие цивилизации в принципе включать человека как субъекта индивидуально-ответственного поступка в качестве основы? Притом что само понятие цивилизации более не способно быть основой для представления о будущем человека и человечества, будучи радикально дискредитированным. Или — и это было бы более последовательно и радикально — социально-философская мысль «после» должна отказаться от цивилизационного идеала и опереться на этически задаваемый фундамент: идею абсолютного запрета убийства (а в пределе — насилия)? Отказаться в теоретическом рассмотрении-обосновании любой форме убийства человека, то есть отдать приоритет абсолютному запрету, отодвинув рациональность и все, что мы связываем с понятием цивилизации, на второе место — не определяющего, а определяемого.

Возможно ли движение к невозможности повторения Аушвица тогда, когда доминирующим способом сокращения насилия на протяжении всей истории человечества было развитие тех сил, которые и привели к нему или, говоря по-другому, что может быть противопоставлено классическому цивилизационному процессу? Это, по-видимому, является ключевым вопросом.

¹ *Bauman Z.* Op. cit. P. 494.